Оглавление

БРАТСТВО

Глава I. Тень 7
Глава II. Семейный разговор 22
Глава III. Хилери в раздумье 32
Глава IV. Маленькая натурщица 40
Глава V. Комедия начинается 46
Глава VI. Первое паломничество на Хаунд-стрит 55
Глава VII. Раскиданные мысли Сесилии 64
Глава VIII. Односторонний ум мистера Стоуна 74
Глава IX. Хилери идет по следу 90
Глава X. Приданое 95
Глава XI. Груша в цвету 103
Глава XII. Корабли в море 105
Глава XIII. Зов в ночи 110
Глава XIV. Поход в чужие края 116
Глава XV. Второе паломничество на Хаунд-стрит 126
Глава XVI. Под вязами 129
Глава XVII. Братья 136
Глава XVIII. Идеальная собака 148
Глава XIX. Бианка 151
Глава XX. Муж и жена 159
Глава XXI. День отдыха 164
Глава XXII. Хилери действует 179
Глава XXIII. Книга о всемирном братстве 186
Глава XXIV. Страна теней 192
Глава XXV. Мистер Стоун в ожидании 203
Глава XXVI. Третье паломничество на Хаунд-стрит 207
Глава XXVII. Личная жизнь Стивна 215

Глава XXVIII. Хилери слышит кукование кукушки 229
Глава XXIX. Возвращение маленькой натурщицы 238
Глава XXX. Похороны младенца.....249
Глава XXXI. Лебединая песня 257
Глава XXXII. За вуалью Бианки 267
Глава XXXIII. Хилери решает проблему 274
Глава XXXIV. Приключение Тайми 281
Глава XXXV. Думы юной девушки 290
Глава XXXVI. Стивн подписывает чеки.....296
Глава XXXVII. Цветение алоэ 307
Глава XXXVIII. Хьюз снова дома 314
Глава XXXIX. Поединок.....321
Глава XL. Конец комедии 327
Глава XLI. Дом, где царит гармония 332

ПАТРИЦИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 343
Глава I 343
Глава II.....351
Глава III.....354
Глава IV 361
Глава V.....364
Глава VI 373
Глава VII 377
Глава VIII.....389
Глава IX 396
Глава X.....402
Глава XI 412
Глава XII 420
Глава XIII.....426
Глава XIV.....432
Глава XV.....440
Глава XVI.....444
Глава XVII 451
Глава XVIII 458
Глава XIX.....464
Глава XX.....467
Глава XXI.....478
Глава XXII 483

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 491
Глава I 491
Глава II. 498
Глава III 504
Глава IV 511
Глава V. 518
Глава VI 523
Глава VII 528
Глава VIII. 531
Глава IX 535
Глава X. 538
Глава XI 543
Глава XII 548
Глава XIII. 552
Глава XIV. 556
Глава XV. 559
Глава XVI. 561
Глава XVII 564
Глава XVIII 570
Глава XIX. 575
Глава XX. 578
Глава XXI. 582
Глава XXII 589
Глава XXIII 598
Глава XXIV 600
Глава XXV 608
Глава XXVI 612
Глава XXVII. 619
Глава XXVIII 624
Глава XXIX 628
Глава XXX 635

Братство

Глава I
Тень

Стоял последний день апреля 190... года, над Хайстрит в Кенсингтоне далеко в вышине бурлило море рваных облачков. Воздушные пары, окутавшие почти весь небосвод, мягко клубились, надвигаясь на клочок голубого неба, по форме напоминающий звезду, — он сверкал, как одинокий цветок горечавки в гуще травы. Казалось, у каждого облачка — пара невидимых крыльев, и, как насекомые, летающие по твердо намеченным путям, облака упорно продвигались вперед, окружая цветок-звезду, который сиял ровным, ясным огнем из своего неподвижного далека. Справа они шли курчавыми стадами, тесня друг друга так, что очертания их стирались; слева они были выше, мощнее и, оторвавшись от своих собратьев, как будто вели атаку на уцелевший островок несказанного сверкания. Бесконечно было многообразие бесчисленных летящих облачков, неизменна и неподвижна была одинокая голубая звезда.

Внизу на улице, над которой шла эта вечная борьба мягкокрылых облаков с прозрачным эфиром, мужчины, женщины, дети и ближние их — лошади, собаки и кошки — с особым, весенним подъемом делали каждый свое обычное дело. Они двигались шумным потоком, и от их живой суеты поднимался ввысь неумолчный гул.

Пожалуй, теснее всего толпа была возле магазина Роза и Торна. Мимо нескончаемого ряда его дверей шли люди всех рангов, от высшего до низшего, а перед витриной

с готовым платьем стояла довольно высокая, тонкая и стройная дама и думала: «Оно совсем голубое, цвета горечавки. Но может, мне все же не следует покупать его, когда вокруг такая нужда...»

Глаза ее, зеленовато-серые и часто принимающие скептическое выражение, чтобы не выдать тайных движений души, тщательно перебирали одно за другим качества платья, разложенного в витрине во всей своей соблазнительности.

«А что, если Стивну я в нем не понравлюсь?» Сомнение заставило даму зажать пальцами одетой в перчатку руки складку на груди блузки. И этот нервный жест выразил всю ее душу: желание иметь и страх перед обладанием, жажду жить и страх перед жизнью; вуаль, спускаясь с нешироких полей шляпы, прикрывала чуть расплывчатые черты, слишком высокие скулы и слегка впалые щеки — как видно, время целовало их довольно крепко.

Стоявший на тротуаре старик с длинным лицом, глазами в красных ободках, как у попугая, и носом неестественного цвета заметил даму и вынул изо рта пустую трубку. Ему разрешалось продавать здесь «Вестминстерскую газету» при непременном условии, что он будет делать это только стоя.

Знать всех прохожих — это было частью его профессии, а также служило развлечением, так как помогало ему забывать о больных ногах. Высокая дама с изящным лицом вызывала в нем недоумение. Она иногда покупала у него газету, продавать которую, вопреки своим политическим убеждениям, он был обречен судьбой. Такая особа, дама из общества, должна была бы, конечно, покупать газеты, выпускаемые тори. Настоящую леди он уж сразу отличит. Дело в том, что прежде чем жизнь вышвырнула его на улицу, наградив болезнью, на лечение которой ушли все его сбережения, он служил старшим лакеем и к людям «благородным» испытывал чувство почтительности, столь же неискоренимое, как и недоверие к тому сорту людей, «которые покупают себе вещи вот в этих вот

огромных магазинах» и «устраивают танцульки по подписке — там вон, в этом... мунсипалитете». Он наблюдал за дамой с особым интересом, хотя вовсе не старался привлечь ее внимание, остро сознавая в то же время, что успел продать всего лишь пять газет утреннего выпуска. Он удивился и расстроился, когда дама вдруг скрылась, войдя в одну из многочисленных дверей магазина.

Соображения, побудившие даму войти в магазин Роза и Торна, были следующие: «Мне тридцать восемь, у меня семнадцатилетняя дочь. Я не должна терять привлекательности в глазах моего мужа, этого допускать нельзя. Подошло время, когда необходимо особенно тщательно заниматься своей внешностью».

Перед длинным трюмо, в сверкающей глубине которого ежегодно купались сотни полуобнаженных тел и на гладкой поверхности которого ежедневно отражался десяток душ, совершенно обнаженных, глаза дамы приобрели холодный блеск стали. Но когда выяснилось, что платье цвета горечавки придется ушить в груди на два дюйма, в талии на дюйм и в бедрах на три, а подол на дюйм отпустить, они снова затуманились сомнением, как если бы обладательница их уже готова была отказаться от принятого решения. Вновь надевая блузку, она спросила:

— Когда я смогу его получить?

— В конце недели, мадам.

— Не раньше?

— Как раз сейчас у нас много спешной работы, мадам.

— Пожалуйста, постарайтесь непременно переделать его не позднее четверга.

Продавщица, примерявшая платье, вздохнула:

— Хорошо, я постараюсь.

— Я рассчитываю на вас. Мой адрес: Олд-сквер, дом семьдесят шесть. Миссис Стивн Даллисон.

Спускаясь по лестнице, она подумала: «У бедняжки такой усталый вид. Просто позор, что их заставляют работать по стольку часов» — и вышла на улицу.

Позади нее послышался робкий голос:

— «Вест-министерскую», мадам?

«Это тот бедняга старик с таким безобразным носом, — вспомнила Сесилия Даллисон. — Право, мне совершенно незачем...» — И она стала рыться в сумочке, ища мелкую монету. Рядом с «беднягой стариком» стояла женщина в опрятном черном платье и небольшой, очень поношенной шляпке, когда-то, очевидно, украшавшей более изящную голову; ее шею обвивала узкая, вся вытершаяся меховая горжетка. Несколько изможденное лицо женщины было не лишено тонкости, карие глаза смотрели ясно и кротко, гладкие черные волосы были стянуты в пучок. Рядом с ней стоял худенький мальчуган, на руках она держала младенца. Миссис Даллисон протянула два пенса за газету, глядя, однако, не на старика, а на женщину.

— А мы вас ждали, миссис Хьюз, — проговорила Сесилия. — Мы думали, вы придете подрубать портьеры.

Женщина прижала к себе младенца:

— Простите, мэм, я обещала, но... у меня такие неприятности...

Сесилия сдвинула брови:

— Вот как!

— Это все из-за мужа.

— Ах, боже мой! — пробормотала Сесилия. — Но почему вы все-таки не пришли к нам?

— Я не могла, мэм, право, не могла...

По щеке у нее скатилась слеза и задержалась в морщинке у рта.

— Да-да, разумеется, — торопливо проговорила миссис Даллисон. — Очень вам сочувствую.

— Вот этот старый джентльмен, мистер Крид, живет в том же доме, что и мы, он хочет поговорить с моим мужем.

Старик закивал головой, сидящей на длинной, тощей шее.

— Ему следовало бы вести себя приличнее, — сказал он.

Сесилия взглянула на него и пробормотала:

— Лично вам, надеюсь, он ничего не сделает.

Старик пошаркал ногами.

— Я ни с кем не хочу ссориться, ну а если он вздумает со мной безобразничать, я мигом напущу на него полицию... «Вест-министерскую», сэр? — И, прикрыв от миссис Даллисон рот ладонью, произнес громким шепотом: — Казнь убийцы из Шордитча!

Сесилию вдруг охватило неприятное ощущение, будто все вокруг прислушиваются к ее разговору с этими двумя малопрезентабельными людьми.

— Право, миссис Хьюз, не знаю, что я смогу для вас сделать. Я поговорю с мистером Даллисоном и с мистером Хилери также.

— Да, мэм, спасибо, мэм.

С улыбкой, как будто самое себя осуждающей, Сесилия подобрала юбки и перешла через дорогу. «Надеюсь, я выразила достаточно сочувствия», — подумала она, оглянувшись на три фигуры, стоявшие у обочины тротуара. Старик с газетами, вздернувший кверху свой безобразный нос под очками в железной оправе, швея в черном платье, худенький мальчуган... Не произнося ни слова, не шевелясь, они смотрели прямо перед собой на оживленную улицу, и вид их вызвал в душе Сесилии протест. Во всех троих было что-то безнадежное, жалкое, неэстетичное...

«Ну чем поможешь женщинам, которые всегда так вот выглядят? — думала она. — И этот бедняга старик... Наверно, мне все же не следовало покупать нового платья, но Стивну так надоело мое теперешнее...»

Она свернула с главной улицы, прошла по другой, доступной только для пешеходов и экипажей, и остановилась подле невысокого длинного дома, почти скрытого деревьями палисадника.

То был дом Хилери Даллисона, брата ее мужа, а также мужа Бианки, родной ее сестры.

Сесилии вдруг пришла в голову курьезная мысль: дом явно похож на самого Хилери! Добрый, неуверенный

вид, светло-коричневый тон... Верхние наличники, брови окон, скорее прямые, чем изогнутые, и окна — глубоко сидящие глаза, гостеприимно поблескивают... Негустая вьющаяся зелень — словно бородка и усы, а пятна кое-где на стенах — морщины на лице тех, кто слишком много думает. Сбоку дома, отдельно от него, хотя и соединенное с ним крытым ходом, стояло оштукатуренное строение, покрашенное в лиловато-синий цвет и с черной дубовой дверью, — в целом оно производило впечатление чего-то жесткого, неподатливого, очень под стать Бианке, которая занималась там живописью. Студия, казалось, глядела на дом, откровенно заявляя, что не желает слишком тесного с ним соседства и вообще не способна к какому бы то ни было сближению. Сесилии, которую постоянно тревожили отношения между сестрой и деверем, все это вдруг показалось весьма знаменательным и символичным.

Но, не желая поддаваться фантазиям, которые, как учил ее опыт, могут завести слишком далеко, она быстро зашагала по выложенной каменными плитами дорожке к дому. У входа, подле самой двери, лежал маленький серебристый бульдог — особа женского пола — из породы комнатных собачек; подняв агатовые глаза, собака деликатно завиляла хвостом, похожим на шнур сонетки, — так она встречала каждого, ибо предки ее от поколения к поколению становились все «породистее» и серебристее, так что в ней оказались уже вовсе утрачены достоинства, присущие настоящим бульдогам — собакам, которыми травили быков.

Миссис Даллисон позвала: «Миранда!» — и хотела было погладить эту четвероногую дочь дома, но собачонка уклонилась от ее ласк: она тоже предпочитала не заходить слишком далеко...

Понедельник был приемным днем Бианки, и Сесилия направилась к студии. Большое, с высокими потолками помещение было полным-полно народу.

У самой двери одиноко и неподвижно стоял очень худой, сильно сгорбленный старик с седыми волосами и негустой седой бородкой, которую он сгреб в горсть своими прозрачными пальцами. На нем был дымчато-серый, из грубого твида костюм, от которого попахивало золой, и свободного покроя рубашка — воротник ее, слишком низкий, выставлял напоказ тощую коричневую шею; брюки же были чересчур коротки, и из-под них виднелись светлые носки. В позе старика было нечто заставлявшее вспомнить терпеливое упорство мула. Он взглянул на подходящую к нему Сесилию. Сразу становилось понятным, почему в комнате, битком набитой народом, он стоит в стороне, один; его голубые глаза глядели так, будто он вот-вот начнет пророчествовать.

— Мне рассказали о казни, — проговорил он.

У Сесилии вырвался нервный жест.

— Ну и что, папа?

— Посягательство на жизнь ближнего было отличительной особенностью темного, бессмысленного варварства, все еще преобладавшего в те дни, — продолжал старик, и, хотя в голосе его чувствовалось подлинное волнение, казалось, будто он говорит сам с собой. — Оно явилось порождением самого нерелигиозного из фетишей — веры в бессмертие отдельной личности. Поклонение этому фетишу и породило все скорби человечества.

Сесилия сделала непроизвольное движение, и сумочка в ее руках дрогнула.

— Папа, ну как ты можешь?..

— Они уже не считали нужным любить друг друга в земной жизни, они были уверены, что для этого у них впереди вечность. Доктрину эту придумали для того, чтобы можно было вести себя подобно зверям и не испытывать угрызений совести. Любовь не могла дать настоящих плодов до тех пор, пока доктрина эта оставалась неопровергнутой.

Сесилия поспешно огляделась. Нет, никто не слышал. Она отошла немного в сторону и смешалась с группой

гостей. Губы ее отца продолжали шевелиться. Он снова принял терпеливую позу, вызывающую смутное воспоминание о мулах.

Чей-то голос позади нее произнес:

— Нет, право, миссис Даллисон, ваш отец удивительно интересный человек!

Сесилия обернулась и увидела даму среднего роста с прической в духе раннего итальянского Возрождения и очень маленькими темными шустрыми глазками; они смотрели так, будто любовь этой дамы к жизни заставляла ее жадно поглощать и каждую минуту своего собственного времени, и все те минуты чужого времени, которыми ей удавалось завладеть.

— Ах, это вы, миссис Таллентс-Смолпис? Здравствуйте! Я все собираюсь заглянуть к вам, но вы ведь, конечно, всегда так заняты...

Сесилия смотрела на миссис Таллентс-Смолпис и приветливо, и настороженно, своим заранее шутливым тоном как будто ограждая себя от шуток собеседницы. Миссис Таллентс-Смолпис, которую она уже несколько раз встречала у Бианки, вдова известного знатока-коллекционера, состояла секретарем «Лиги воспитания круглых сирот», вице-президентом общества «Огонек надежды для девушек в затруднительном положении» и казначеем общества «Танцевальные четверги для девушек-тружениц». Она, по-видимому, знала всех, кого стоило знать, и еще многих других, успевала посетить все выставки, услышать всех музыкантов-исполнителей и побывать на всех премьерах. Что касается литературы, то миссис Таллентс-Смолпис не раз признавалась, что писатели нагоняют на нее скуку; впрочем, она всегда готова была оказать им дружескую услугу, устраивая им у себя встречи с издателями и критиками, а порой, хотя об этом мало кто знал, ссужала их и деньгами, чтобы вызволить из «затруднений», в которые они то и дело попадали, но уж после этого, по собственному ее признанию, она обычно их больше в глаза не видела.

Для миссис Стивн Даллисон эта дама была существом особым, она как бы являлась рубежом между теми из друзей Бианки, которых она была бы весьма рада принимать и у себя, и теми, которых ей принимать не хотелось, ибо Стивн, адвокат, занимающий видное служебное положение, больше всего боялся показаться смешным. Так как Хилери писал книги и был поэтом, а Бианка занималась живописью, все их друзья, естественно, были людьми или интересными, или странными, но, хотя ради Стивна было важно определить, к какой из этих категорий отнести то или иное лицо, чаще всего оно принадлежало к обеим. В небольшой дозе такие люди действовали приятно-возбуждающе, но из-за мужа и дочери Сесилия отнюдь не желала, чтобы они ходили к ней в дом толпами. Они вызывали в ней сладкое замирание сердца, похожее на то ощущение, с каким она покупала «Вестминстерскую газету», чтобы почувствовать биение пульса общественного прогресса: и приятно, и немного страшно.

Темные глазки миссис Таллентс-Смолпис сверкнули.

— Я слышала, что мистер Стоун — ведь, кажется, так зовут вашего отца? — пишет книгу, которая должна своим выходом в свет произвести настоящую сенсацию.

Сесилия прикусила губу. «Надеюсь, она никогда не увидит света», — чуть не сказала она вслух.

— Как называется его книга? — спросила миссис Таллентс-Смолпис. — Мне помнится, это что-то о всемирном братстве — так мило!

У Сесилии вырвался досадливый жест.

— Кто рассказывал вам об этом?

— Ах! — воскликнула миссис Таллентс-Смолпис. — Вашей сестре всегда удается залучить на свои понедельники таких милых, занимательных людей! Они так живо всем интересуются!

Удивляясь самой себе, Сесилия ответила:

— Даже слишком, по-моему.

Миссис Таллентс-Смолпис улыбнулась:

— Я имею в виду интерес к искусству и социальным вопросам. Я полагаю, тут не может быть ничего «слишком», не правда ли?

— Нет-нет, разумеется, нет, — поспешила ответить Сесилия.

Обе дамы огляделись. До ушей Сесилии доносился гул голосов:

— Вы видели «Последствия»? Чудесная вещь!

— Бедняга, у него такой отсталый вкус...

— Появился новый гений...

— Она так искренне сочувствует...

— Но положение неимущих классов...

— Кажется, это мистер Бэлидайс? Право же...

— Это дает вам такое острое ощущение жизни...

— Буржуа!..

Голос миссис Таллентс-Смолпис врезался в этот многоголосый хор:

— Скажите мне, ради бога, кто это юное создание, рядом с молодым человеком — вон там, возле картины. Девочка совершенно очаровательна!

Щеки Сесилии приятно порозовели.

— Это моя дочурка.

— Да неужели? У вас такая взрослая дочь? Но ведь ей, должно быть, лет семнадцать?

— Скоро восемнадцать.

— Как ее зовут?

— Тайми, — ответила Сесилия, чуть улыбнувшись. Она ждала, что миссис Таллентс-Смолпис сейчас скажет: «Очаровательно!»

Миссис Таллентс-Смолпис заметила улыбку и сделала паузу.

— А кто этот юноша с ней?

— Мой племянник, Мартин Стоун.

— Сын вашего брата, который погиб вместе с женой во время того несчастного случая в Альпах? У молодого человека очень решительный вид. Вполне современен. Чем он занимается?

— Он уже почти врач. Не знаю толком, получил он диплом или еще нет.

— А я было подумала, что он имеет какое-то отношение к искусству.

— О нет, он презирает искусство.

— А ваша дочь тоже презирает искусство?

— Нет, она его изучает.

— Да что вы! Как интересно! Я нахожу, что подрастающее поколение чрезвычайно забавно, — как вы считаете? Они такие независимые!

Сесилия с некоторым беспокойством поглядела на «подрастающее поколение». Молодые люди стояли рядом возле большой картины, как-то ото всех в стороне; они обменивались взглядами и краткими замечаниями и с юношеской бесцеремонностью, даже почти враждебно, разглядывали циркулировавших по комнате людей, которые болтали, раскланивались, улыбались. У молодого человека было бледное, гладко выбритое лицо, волевой подбородок, длинный прямой нос, шишковатый лоб, ясные серые глаза; саркастически сложенные губы были тверды и подвижны. Он смотрел на гостей со смущающей прямотой. На девушке было голубовато-зеленое платье. Она была прелестна: живые серо-карие глаза, свежий цвет лица, пушистые волосы цвета спелого ореха.

— Та картина, возле которой они стоят, ведь это «Тень», работа вашей сестры? — спросила миссис Таллентс-Смолпис. — Я помню, я видела ее на Рождество, помню и маленькую натурщицу, которая послужила моделью, — очень привлекательный типаж! Ваш деверь рассказывал мне, какое участие вы все в ней принимаете. Она, кажется, упала в обморок от недоедания, когда пришла в первый раз на сеанс, — как это романтично!

Сесилия ответила что-то невнятное. Руки ее нервно двигались, ей было не по себе.

Но все эти признаки беспокойства ускользнули от внимания миссис Таллентс-Смолпис: глаза ее были заняты другим.